

Л.И. Кричевская

Жест и слово

<...>

Осознание утрированного романтического жеста как литературного штампа, имеющего мало общего с настоящей жизнью, характерно для развивающегося русского реализма. Так, Лермонтов иронизирует над драматическими позами Грушницкого, который рядится в необыкновенные страсти:

«Приезд его на Кавказ — также следствие его романтического фанатизма: я уверен, что накануне отъезда из отцовской деревни он говорил с мрачным видом какой-нибудь хорошенькой соседке, что он едет не так, просто, служить, но что ищет смерти, потому что... тут он, верно закрыв глаза рукою, продолжает так...»

В этой ситуации, намеченной рассказчиком с тонкой иронией, подчеркивается прежде всего ложь, стремление выказать не действительно пережитые, а выдуманные, книжные чувства. Вообще язык жестов Грушницкого ограничен, условен, и лишь комментарии Печорина-рассказчика придают ему необходимое своеобразие. Таким путем достигается психологическая глубина портрета.

«Грушницкий принял таинственный вид: ходит закинув руки за спину и никого не узнает; нога его вдруг выздоровела: он едва хромает».

«...Какой-то смешной восторг блистал в его глазах. Он крепко пожал мне руку и сказал трагическим голосом:

— Благодарю тебя, Печорин... Ты понимаешь меня?..»

Поведение Грушницкого резко меняется в эпизодах дуэли. Он еще пробует следить за своей мимикой, но это ему не удается. Игра в страсти кончилась. Теперь речь идет о настоящей жизни и смерти.

«Капитан мигнул Грушницкому, и этот, думая, что я трушу, принял гордый вид, хотя до сей минуты тусклая бледность покрывала его щеки. С тех пор, как мы приехали, он в первый раз поднял на меня глаза; но во взгляде его было какое-то беспокойство, изобличавшее внутреннюю борьбу».

Деланные жесты требуют определенности, законченности. Они словно продуманы заранее, идут не из глубины души, а из головы. Естественные жесты отражают подлинные душевные движения. Они не могут быть выверенными по образцам, продуманными во всех деталях, они произвольны, внезапны, часто неопределенны, как бы не вполне сформированы. Столкновение искусственного и естественного в поведении человека и привлекает здесь Лермонтова.

«Он смутился, покраснел, потом принужденно захохотал».

«Лицо его ежеминутно менялось... Он отвел капитана в сторону и стал говорить ему что-то с большим жаром; я видел, как посиневшие губы его дрожали...»

«Грушницкий стоял, опустив голову на грудь, смущенный и мрачный».

Постепенно освобождаясь от напыщенности, Грушницкий приобретает настоящую значительность, хотя Лермонтов продолжает рисовать его в том же условно-романтическом ключе, но теперь уже без всякой иронии, серьезно и строго.

Это период переоценки романтической поэтики. Поэтому ироническое отношение к псевдоромантическому жесту сосуществует рядом с вполне серьезным, романтическим в своей основе воспроизведением человеческих проявлений. В портретной динамике

прозы Пушкина и Лермонтова при безусловном психологизме еще чувствуется некая обобщенность, схематичность, несомненно, идущая от традиционно романтического портрета. Однако поведение персонажей здесь более сдержанно и как бы приближено к повседневному опыту читателя.

<...>